

ВЛАДИМИР

НАБОКОВ

Трагедия господина Морна

Пьесы

Лекции о драме

Русалка
Владимир Набоков

Аннотация
Русалка
Примечания

Аннотация

Сцена была написана предположительно в 1939 г., в Париже, как сочинение Федора Годунова-Чердынцева, которое должно было войти составной частью во второй том «Дара»; переехав в США, Набоков переработал сцену и опубликовал как самостоятельное произведение.

Русалка

Заключительная сцена к пушкинской «Русалке»

Берег.

КНЯЗЬ:

Печальные, печальные мечты
вчерашняя мне встреча оживила.
Отец несчастный! Как ужасен он!
Авось опять его сегодня встречу,
и согласится он оставить лес
и к нам переселиться…

(Русалочка выходит на берег.)

Что я вижу!
Откуда ты, прекрасное дитя?{1}

РУСАЛОЧКА:

Из терема.

{1} Комментарии: 2.1

Берег. Князь. Печальные, печальные мечты <…> прекрасное дитя? — Набоков вводит в свое продолжение «Русалки» финальную часть монолога князя и последние строки, на которых обрывается пушкинский текст. В последнем и на сегодняшний день наиболее полном собрании набоковской поэзии, эдиция которого, к сожалению, подготовлена крайне неряшливо, в «Русалке» вместо «прекрасное дитя» напечатано «прелестное дитя» (см.: В. Набоков. Стихотворения / Сост., прим. М. Э. Маликовой. СПб.: Академический проект, 2002. С. 358).

КНЯЗЬ:

Где ж терем твой? Отсюда
до теремов далече.

РУСАЛОЧКА:

Он в реке.

КНЯЗЬ:

Вот так мы в детстве тщимся бытие
сравнять мечтой с каким-то миром тайным.
А звать тебя?

РУСАЛОЧКА:

Русалочкой зови.

КНЯЗЬ:

В причудливом ты, видно, мастерица,
но слушатель я слишком суеверный,
и чудеса ребенку впрок нейдут
вблизи развалин, ночью. Вот тебе

серебряная денежка. Ступай.

РУСАЛОЧКА:

Я б деду отнесла, да мудрено
его поймать. Крылом мах-мах и скрылся[{2}].

КНЯЗЬ:

Кто — скрылся?

РУСАЛОЧКА:

Ворон.

{2} Комментарии: 2.2

Я б деду отнесла, да мудрено его поймать. Крылом мах-мах и скрылся. <...> *Ворон.* <...> *ты — дочка рыбака...* — Набоков совмещает здесь две сцены из «Русалки» — «Светлицу», в которой мамка говорит: «Княгинюшка, мужчина что петух: / Кири куку! мах мах крылом и прочь» (А. С. Пушкин. Поли. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 375), и «Днепр. Ночь», в которой помешавшийся мельник в разговоре с князем называет себя вороном. Затем мельник рассказывает, что за ним присматривает «внучка», «русалочка». Таким образом очевидно, что Набоков не ставил перед собой цели последовательного продолжения пушкинского текста (как и стилизации пушкинского стиха), поскольку князю должно быть ясно, во-первых, о чем говорит русалочка, когда упоминает деда-ворона (с которым он встретился всего за день до этого), и, во-вторых, что она его собственная дочь. Кроме того, нельзя назвать логичным повтор реплики мамки. Не соответствует пушкинскому и сам образ бесхитростной русалочки, заговорившей у Набокова усложненно-образной речью.

КНЯЗЬ:

Будет лепетать.
Да что ж ты смотришь на меня так кротко?
Скажи… Нет, я обманут тенью листьев,
игрой луны. Скажи мне… Мать твоя
в лесу, должно быть, ягоду сбирала
и к ночи заблудилась… иль попав
на топкий берег… Нет, не то. Скажи,
ты — дочка рыбака, меньшая дочь,
не правда ли? Он ждет тебя, он кличет.
Поди к нему[{3}].

РУСАЛОЧКА:

Вот я пришла, отец.

{3} Комментарии: 2.3
Поди к нему. — В P2 за этой фразой первоначально следовало: «Д<очь>. Ты слеп, отец, иль воздух / земной не так прозрачен, как вода».

КНЯЗЬ:

Чур, чур меня!

РУСАЛОЧКА:

Так ты меня боишься?{4}
Не верю я. Мне говорила мать,
что ты силен, приветлив и отважен,
что пересвищешь соловья в ночи,
что лань лесную пеший перегонишь.
В реке Днепре она у нас царица;
«Но, говорит, в русалку обратясь,
я все люблю его, все улыбаюсь,
как в ночи прежние, когда бежала,

{4} Комментарии: 2.4
Так ты меня боишься? <…> она у нас царица… — В Р1:

Дочь. Полно, ты не бойся.
Потешь меня. Мне говорила мать,
что ты прекрасен, ласков и отважен.
Восьмой уж год скучаю без отца,
а наши дни вместительнее ваших
и медленнее кровь у нас течет.
В младенчестве я все на дне сидела
и вкруг остановившиеся рыбки
дышали и глядели. А теперь

я часто выхожу на этот берег
и рву цветы для матери ночные…

Замечание, которое Кончеев высказывает по поводу этих строк в конспекте заключительной части продолжения «Дара» («К.: мне только не нравится насчет рыб. Оперетка у вас перешла в аквариум. Это наблюдательность двадцатого века» — цит. по: А. Долинин. Загадка недописанного романа. С. 218), вызывает в памяти образы стихотворения Ходасевича «Берлинское» (1922): «А там, за толстым и огромным / Отполированным стеклом, / Как бы в аквариуме темном, / В аквариуме голубом — / Многоочитые трамваи / Плывут между подводных лип, / Как электрические стаи / Светящихся ленивых рыб» (Х96. С. 258).

платок забывши впопыхах, к нему за мельницу».

КНЯЗЬ:

Да, этот голос милый{5} *мне памятен. И это все безумье — и я погибну…*

РУСАЛОЧКА:

Ты погибнешь, если
не навестишь нас. Только человек
боится нежити и наважденья,
а ты не человек. Ты наш, с тех пор
как мать мою покинул и тоскуешь.

{5} Комментарии: 2.5
Да, этот голос милый / мне памятен. <…> Видишь, луна… — В Р1:

КНЯЗЬ.

Да, этот голос милый
мне памятен, и вздох ее и ночь…

ДОЧЬ.

Отец, не хмурься, расскажи мне сказку.
Земных забав хочу я! Научи
свивать венки, а я зато… Ах, знаю,
дай руку. Подойдем поближе. Видишь:
играет рябь, нагнись, смотри на дно

Дай руку. Видишь, /луна… — параллель к главе пятой «Дара», ср.: «Дай руку, дорогой читатель, и войдем со мною в лес. Смотри: сначала сквозистые места…» (Н4. С. 506), — призванная, вероятно, обозначить связь двух произведений в рамках неосуществившегося замысла продолжения «Дара».

На темном дне отчизну ты узнаешь,
где жизнь течет, души не утруждая.
Ты этого хотел. Дай руку. Видишь,
луна скользит, как чешуя, а там…

КНЯЗЬ:

Ее глаза сквозь воду ясно светят[{6}],
дрожащие ко мне струятся руки!
Веди меня, мне страшно, дочь моя[{7}]…

Исчезает в Днепре.

РУСАЛКИ:

(поют)[{8}]

{6} Комментарии: 2.6

Ее глаза сквозь воду ясно светят… — Ср. в стихотворении Пушкина «Как счастлив я, когда могу покинуть…» описание русалки: «Ее глаза то меркнут, то блистают, / Как на небе мерцающие звезды…» (А. С. Пушкин. Поли. собр. соч.: В 10 т. Т. 5. С. 478).

{7} Комментарии: 2.7

Веди меня, мне страшно, дочь моя… — В Р1 Набоков записал два варианта развязки: в первом князь говорит: «Веди меня в свой терем, дочь моя», в следующем за ним: «Князь (ступ<ив> к реке). О смерть моя! Сгинь, страшная малютка. (Убегает.)». Колебания в выборе развязки отражены также в Р2.

{8} Комментарии: 2.8

Русалки (поют)… — Песнь русалок в Р1 начиналась с четырех строк из песни русалок пушкинской сцены «Днепр. Ночь» и несколько измененных слов «Другой» русалки:

РУСАЛКИ.

Любо нам порой ночною
дно речное покидать,
любо вольной головою
высь речную разрезать.

ОДНА.

Между месяцем и нами
кто там ходит по земле?

ДРУГАЯ.

Нет, под темными ветвями
тень качается в петле.
Кушаком да сапогами
это ветер шевелит.
Скрылся месяц, все сокрылось,
сестры, чу, река бурлит.

ВСЕ.

Это гневная царица,
не дождавшись мертвеца,
лютой мукой дочку мучит, упустившую отца»

(LCNA. Box 2, fol. 6).

Ср. песнь русалок в Р2:

Всплываем, играем
и пеним волну.
На свадьбу речную
зовем мы луну.

В подводное царство сошел и затих
на ложе холодном
безмолвный жених.
И тихо смеется,
склоняясь к нему
царица русалка
в своем терему

(Box 13, fol. 29).

Всплываем, играем
и пеним волну.
На свадьбу речную
зовем мы луну.
Все тише качаясь,
туманный жених
на дно опустился
и вовсе затих.
И вот осторожно,
до самого дна,
до лба голубого
доходит луна.
И тихо смеется,
склоняясь к нему,
Царица- Русалка
в своем терему.

Скрываются. Пушкин пожимает плечами.

Примечания

Русалка

Заключительная сцена к пушкинской «Русалке»

Впервые: Новый журнал. 1942. № 2.

Сцена была написана предположительно в 1939 г., в Париже, как сочинение Федора Годунова-Чердынцева, которое должно было войти составной частью во второй том «Дара» (Б01.[1] С. 597); переехав в США, Набоков переработал сцену и опубликовал как самостоятельное произведение.

В сохранившихся набросках неосуществленного Набоковым продолжения «Дара» Федор Годунов-Чердынцев признается Кончееву: «Меня всегда мучил оборванный хвост „Русалки", это повисшее в воздухе, опереточное восклицание „откуда ты, прекрасное дитя". <...> Я продолжил и закончил, чтобы отделаться от этого раздра-

[1] Сноски: 1.1

Б.Бойд. Владимир Набоков. Русские годы: биография. М.; СПб.: Независимаягазета, Симпозиум, 2001.

жения» («Дар. II часть. И „Русалка"». Цит. по: А.Долинин. Загадка недописанного романа // Звезда. 1997. № 12. С. 218). Как не раз отмечалось исследователями, образ Кончеева в «Даре» построен во многом из черт В. Ф. Ходасевича, который в своем «Романсе» (1924) развил и закончил пушкинский набросок «Ночь светла; в небесном поле…» (Х96.[2] С. 307). В. Ходасевич и В. Брюсов, предпринимавшие попытки окончить пушкинский текст, упоминаются в конспекте продолжения «Дара». Во второй главе «Дара» приводится завершение пушкинского наброска «О, нет, мне жизнь не надоела…» (Н5.[3] С. 282; см. также комм. А. Долинина — с. 665–666). По замыслу продолжения «Дара», Федор должен был читать завершение «Русалки» Кончееву в Париже. Таким образом, это чтение явилось бы во втором томе «Дара» своего рода ответом на вопрос Кончеева в его «беседе» с Федором о русской литературе в главе первой «Дара»: «Но мы перешли в первый ряд. Разве там вы не найдете слабостей? „Русалка"…», на что Федор отзывается кратко и категорично: «Не трогайте Пушкина: это

---

[2] Сноски: 1.2
В.Ф.Ходасевич. Собр. соч.: В 4 т. М.: Согласие, 1996. Т. 1.

[3] Сноски: 1.3
В.Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 5.

золотой фонд нашей литературы» (Н4.[4] С. 257).

То, что для завершения Набоков избрал произведение Пушкина, а из всех незавершенных пушкинских произведений — «Русалку», свидетельствует о влиянии Ходасевича, которого Набоков в эссе-некрологе назвал «Крупнейшим поэтом нашего времени, литературным потомком Пушкина по тютчевской линии» (В.Набоков. О Ходасевиче // Н5. С. 587). За несколько дней до его смерти (В. Ходасевич, с которым Набоков несколько раз встречался в Париже в последний год его жизни, умер 14 июня 1939 г.) Набоков написал из Лондона жене: «Сегодня был разбужен необыкновенно живым сном: входит Илюша (И. И. Фондаминский. — А. Б.) (кажется, он) и говорит, что по телефону сообщили, что Ходасевич „окончил земное существование" — буквально» (BCNA.[5] Letters to Vera Nabokov. 9 июня 1939 г.). Представляется, что именно смерть поэта, которого Набоков ставил необыкновенно высоко, вновь обратила его к образу Кончеева и, возможно, послужила толчком к продолжению «Дара», начало

---

[4] Сноски: 1.4

В.Набоков. Русский период. СПб.: Симпозиум, 2000. Т. 5.

[5] Сноски: 1.5

Vladimir Nabokov Archives // The W. Henry and A. Albert Berg Collection of English and American Literature. The New York Public Library.

работы над которым, как показал А.Долинин, относится к концу осени — зиме 1939 г. (А.Долинин. Загадка недописанного романа. С. 219).

В. Ходасевич неоднократно писал о пушкинском замысле «Русалки». В 1924 г. Ходасевич опубликовал статью о «Русалке» в «Современных записках» (кн. XX), еще раньше выступил с докладом «Почему Пушкин написал „Русалку"» на вечере клуба писателей в берлинском кафе «Леон» (Клуб писателей <Объявление> // Руль. 1923. 7 окт.), в котором в то время часто бывал Набоков. Как известно, Ходасевич подвергся жесткой критике за попытку биографического истолкования «Русалки» в своем «Поэтическом хозяйстве Пушкина» (см.: И. Сурат. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994. С. 54–58) и впоследствии исключил статью о «Русалке» из итоговой книги «О Пушкине» (1937), однако нет оснований считать, что он переменил свое мнение о том, как пьеса Пушкина должна была завершаться: «У русалки <…> есть готовый план мести. Каков он в точности, мы не знаем, так как пьеса обрывается на первом моменте встречи князя с русалочкой. Но несомненно, что дальнейшее течение драмы должно было содержать осуществление этого плана. <…> Еще не зная, возгорится ли снова

любовь к ней в сердце князя, она готовится возбудить эту любовь своей притворной любовью. <…> Как именно развернулся бы далее сюжет „Русалки" и чем бы закончился, сказать нельзя. Ясно одно: эта любовь к мстящему призраку, „холодной и могучей" русалке должна была привести князя к гибели.

„Русалка" должна была стать одной из самых мрачных страниц в творчестве Пушкина» (В.Ходасевич. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л.: Мысль, 1924. С. 151). Эта трактовка «Русалки» отражается не только в замысле Набокова по продолжению пушкинского произведения, но и в замысле продолжения самого «Дара», в котором любовь Федора к Зине возобновляется после ее смерти с новой и трагической силой. Как пишет А. Долинин, на потерю жены Федор Годунов-Чердынцев «отвечает символическим литературным актом: он дописывает незавершенную драму Пушкина о человеке, мучимом раскаянием, — драму, которая, по предположению Ходасевича, „должна была стать трагедией возобновившейся любви к мертвой"» (А.Долинин. Загадка недописанного романа. С. 222).

В XIX в. было предложено несколько вариантов окончания пушкинской «Русалки». С. А. Фомичев

в статье о набоковском продолжении «Русалки» приводит следующие. А. Ф. Вельтман в конце 30-х гг. переложил стихами сцену встречи князя с русалочкой и составил план еще нескольких сцен. С 1856 г. ставилась опера А. С. Даргомыжского, в финале которой мельник сталкивает князя в воду и русалки влекут его к ногам своей повелительницы. В 1866 г. А. Крутогоров опубликовал окончание «Русалки», в котором также русалки уносили князя на дно Днепра, а затем, после проведенной с русалкой ночи, он возвращался домой, где умирал от тоски по прежней возлюбленной. В 1877 г. свое окончание предложил А. Ф. Богданов (под инициалами «И. О. П.», что расшифровано как «Исполнитель Обязанностей Пушкина»), а в 1897 г. вышло окончание, выданное за подлинный пушкинский текст, якобы записанный со слов поэта, — на самом же деле фальсификация Д. П. Зуева, варьирующая интерпретации Богданова и Крутогорова (см.: С. А. Фомичев. Набоков — соавтор Пушкина (Заключительная сцена «Русалки») // А. С. Пушкин и В. В. Набоков. Сборник докладов международной конференции 15–18 апреля 1999 г. СПб.: Дорн, 1999. С. 211–212).

В письме Э. Уилсону (соавтору Набокова по переводу «Моцарта и Сальери»), предложивше-

му другой, по его мнению, более подходящий к пушкинскому замыслу финал «Русалки» (встретившись с днепровской царицей, князь сходит с ума, как мельник), Набоков категорично заявил, что экономный Пушкин никогда бы не сделал безумными двух персонажей и что «окончание, которое я придумал, идеально соответствует концовкам русских сказок о русалках и феях, — смотрите, например, „Русалку" Лермонтова или поэму „Русалка" А. К. Толстого и т. п.» (The Nabokov — Wilson Letters: 1940–1971 / Ed. by Simon Karlinsky. N. Y.; L., 1979. P. 65). К этому остается добавить, что избранный Набоковым вариант концовки близок и ранней шутливой «Русалке» (1819) Пушкина, которая завершается так: «…Монаха не нашли нигде, / И только бороду седую / Мальчишки видели в воде» (А. С. Пушкин. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1. С. 322), и другого пушкинского стихотворения, посвященного той же теме, «Как счастлив я, когда могу покинуть…» (1826), в котором герой «рад оставить жизнь» ради любви и ласк русалки (Там же. Т. 5. С. 478).

Сценой на днепровском дне завершался также фильм В. Гончарова «Русачка. Народная драма в 6 сценах с апофеозом» (1910): князь возлежит у ног сидящей на троне русалки-царицы (см.: Великий

кинемо. С. 68–69).

Однако первый черновой вариант завершения «Русалки» (далее обозначаемый, как Р1), следующий в набросках к продолжению «Дара» после визита родственника Зины Кострицкого и перед описанием свиданий Федора с проституткой Ивонн, был иной: князь не поддается на призыв русалочки и убегает в лес, где вешается (см. об этом варианте завершения «Русалки»: Дж. Грейсон. Метаморфозы «Дара» // В. В. Набоков: Pro et contra. СПб.: РХГИ, 1997. Т. 1. С. 596–597). Его последние слова: «О смерть моя! Сгинь, страшная малютка», — после чего следует ремарка: «Убегает». Хор русалок поет о «тени, качающейся в петле». Дж. Грейсон, исследовавшая Р1, обратила внимание на то, что первоначально образ русалочки был иным, более привлекательным и индивидуализированным (Там же. С. 597). Сохранился еще один черновик завершения «Русалки» (Р2), близкий к окончательному тексту, на котором Набоков написал «А. Пушкин», стилизовав характерный пушкинский росчерк (LCNA. Box 13, fol. 29).

Русалочья тема у Набокова возникает уже в ранних стихотворениях «Русалка» (сб. «Горний путь», 1923), «Река» (1923) и в других произведе-

ниях (см.: D.B.Johnson. «L'Inconnue de la Seine» and Nabokov's Naiads // Comparative Literature. V. 44, № 1 (1992) P. 225–248; J. Grayson. «Rusalka» and The Person from Porlok // Symbolism and After: Essays on Russian Poetry in Honor of G. Don-chin / Ed. by A. McMillin. L: Bristol Classical Press, 1992. P. 162–185).

А. Бабиков